

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 20 сентября 1881
8 сентября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.

Президентъ Гарфильдъ умеръ 19 сентября, вечеромъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Смерть президента Гарфильда. — 2) Простѣйшій способъ выслушивать голосъ земли и признакомъ власти съ элементарными понятіями о человеческой природѣ. — 3) Поправка ошибки. — 4) Нелюбовь изъ «Общаго Дѣла». — 5) Историческая Польша и великорусская демократія, гл. V, М. Драгоманова. — 6) Новое гониміе на раскольниковъ и возможность отпора съ ихъ стороны (письмо изъ Петербурга г-на М.). — 7) Кому съ кого примѣръ брать? (письмо путешественника Г-ева). — 8) Письма о рабочемъ движеніи, IV. — Извѣстія и замѣтки.

Женева, 20 сентября.

Трудно уловить точку отправленія внутренней нашей политики, благодаря сбивчивости понятій, руководящихъ заправителями свыше. Присматриваясь къ поворотамъ кормила правленія и, въ тоже время, прислушиваясь къ голосамъ изъ общественной среды, видишь, что утлая ладья русскаго полицейскаго государства старается идти не то по теченію, не то противъ теченія народной жизни. Съ одной стороны правительство какъ будто бы и сознаетъ немощность чиновничества въ рѣшеніи жизненныхъ для народа вопросовъ, созывая для разсмотрѣнія послѣднихъ экспертовъ не изъ правящей среды, за то съ другой стороны не рѣшается поуступить другой общественному мнѣнію, подвергая запретамъ органы печатной гласности, и видимо старается сохранить за бюрократіей ея руководящее, верховное значеніе въ государствѣ, призывая на совѣтъ не выборныхъ отъ народа, а измѣненныхъ властью. Таковы бывшая весною коммиссія 12-ти по разсмотрѣнію вопроса объ уменьшеніи выкупныхъ платежей; созванная на осень коммиссія 20-ти, приглашенныхъ изъ различныхъ мѣстностей для обсужденія мѣръ противъ пьянства и упорядоченія крестьянскихъ переселеній; наконецъ высочайшее повелѣніе о созывѣ повсемѣстно въ губерніяхъ, гдѣ сзренъ пользуются правомъ постоянной посѣд-

лости, коммиссіи изъ городскихъ и сельскихъ жителей, подъ предѣлительствомъ губернаторовъ, для выясненія причинъ, вызвавшихъ со стороны кореннаго южнорусскаго населенія насильственные дѣйствія противъ евреевъ, и выработки мѣръ, способныхъ устранить на будущее время ненормальность отношеній между еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ.

Способъ рѣшенія вопросовъ государственной важности людьми избранными ad hoc не такъ несовершененъ, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Слабая сторона парламентаризма всегда состояла и состоитъ именно въ томъ, что депутатъ, разъ избранный въ законодательное собраніе, подаетъ голосъ по всемъ вопросамъ, не стѣняясь и цѣлымъ не стѣняемый ни въ способъ рѣшенія, ни въ степени знакомства съ поставленнымъ на очередь предметомъ обсужденія. При сложности социально-политическихъ отношеній нынѣшнихъ культурныхъ обществъ, отъ избирателей нельзя даже и требовать, чтобы представитель каждой группы въ законодательномъ собраніи обладалъ социально-политическимъ всезнаніемъ. Парламентъ безспорно великая объединительная сила страны и могущественный носитель общихъ культурныхъ принциповъ, но по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся устройства бытовыхъ отношеній, — такъ мало еще входящихъ въ программу занятій политическихъ парламентовъ западной Европы, — онъ часто оказывается несостоятельнымъ, во первыхъ, потому, что далеко не все мѣстные условія могутъ быть подведены подъ общее правило, во вторыхъ, потому, что всесторонняя оцѣнка этихъ условій доступна незначительному меньшинству законодательнаго собранія всей страны и, въ третьихъ, потому, что любой изъ депутатовъ, даже избираемыхъ всеобщимъ подачею голосовъ и представляющихъ по предположенію законодателя собирательное мнѣніе и таковую же волю своихъ избирателей, на дѣлѣ руководствуется личными взглядами, поступаетъ по собственному побужденію и, во всякомъ случаѣ, не можетъ выйти за предѣлы личнаго опыта и личныхъ знаній. Чѣмъ

обширѣе страна, чѣмъ разнообразнѣе входящая въ ея составъ мѣстности, чѣмъ разноплеменнѣе ея населеніе и рѣзче черты, отдѣляющія образованные слои общества отъ коснѣющаго въ невѣжествѣ народа, тѣмъ ярче обрисовываются недостатки способа рѣшенія такъ называемыхъ „жизненныхъ“ вопросовъ парламентомъ, т. е. представительнымъ учрежденіемъ всей страны, уполномоченнымъ постановлять рѣшенія по всемъ отраслямъ государственной жизни. Одинъ изъ московскихъ пророковъ, К. С. Аксаковъ, писалъ 26 лѣтъ тому назадъ только что вступившему тогда на престолъ императору Александру II—му: „созывать въ настоящее время земскій соборъ было бы дѣломъ бесполезнымъ“, потому что „на земскомъ соборѣ долженъ быть голосъ всей русской земли, а „слова дать теперь такого голоса не могутъ“. „Стоитъ, говоритъ онъ, написать имена этихъ сословій, чтобы почувствовать, какъ далеки они въ настоящее время другъ отъ друга, какъ мало единства между ними“. Онъ считалъ единственно возможнымъ и полезнымъ, чтобы правительство собирало „нарочныя собранія“ пословно, предлагая имъ на разрѣшеніе тотъ или другой изъ вопросовъ. Предложеніе рѣшать государственные вопросы по кастамъ было своего рода нелѣпостью, но для насъ интересно это предложеніе, какъ указаніе, что уже 26 лѣтъ тому назадъ у насъ стали раздаваться голоса въ пользу постановки на разрѣшеніе отдѣльных, строго определенныхъ вопросовъ, и голоса эти шли изъ среды поборниковъ земскихъ соборовъ, ратовавшихъ за возвращеніе народу права мнѣнія.

Но если рѣшеніе нарочными собраніями такихъ вопросовъ, которые не относятся до всехъ мѣстностей государства или не обнимаютъ собою всего населенія, предпочтительнее передъ рѣшеніемъ, поставленнымъ въ общемъ для всего государства представительнымъ учрежденіемъ, то лишь въ томъ случаѣ, когда участвующие въ нарочныхъ собраніяхъ дѣйствительно представляютъ собою волю и образъ мыслей заинтересованнаго населенія. А для этого необходимо, чтобы въ

поставить эту борьбу на практическую почву, превратить ее из *предпріятій* отдѣльных, изолированных от народа кружковъ въ *общее дѣло*. Но едва успѣли мы сказать нѣсколько словъ въ этомъ смыслѣ, какъ уже на насъ стараются набросить „тѣнь подозрѣнія“, наивно думая этимъ старымъ *канцелярскимъ* приѣмомъ заставить насъ замолчать.

И не стыдно вамъ, гг. редакторы журнала, издающагося подъ девизомъ именно преслѣдуемаго нами *общаго дѣла*?

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

V.

Изъ выписанныхъ выше словъ Герцена въ 34 № „Колокола“ видно прежде всего, что онъ разумѣетъ подъ словомъ Россія — собственно только Великоруссію, ибо только къ ней „присоединилась Украина въ XVII ст.“, — и только она „сохраняетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу“ (конечно, за исключеніемъ такъ называемыхъ инородцевъ). А между тѣмъ рядомъ Герценъ употребляетъ это слово и въ государственномъ смыслѣ и въ тоже время неявно представляетъ себѣ численное отношеніе невеликорусскихъ элементовъ населенія русскаго государства къ элементу великорусскаго, — когда говоритъ, что „Россія, кромѣ закраинъ своихъ представляетъ сплошное единство.“ На дѣлѣ эти „закраины“ занимаютъ почти половину Европейской Россіи — отъ Финляндіи черезъ Петербургъ, Смоленскъ, почти подъ Воронежемъ къ Н. Черкаску и Ставрополю, — и представляютъ почти половину населенія страны. При этомъ важное практическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что почти всѣ невеликорусскія племена западной половины Европейской Россіи выходятъ своими частями за границы русскаго государства (литовцы, которыхъ болѣе сознательная часть и печать находится въ Пруссіи, — поляки, украинцы, румыны), а потому не могутъ быть подведены этимъ государствомъ подъ одну струну. (Тоже слѣдуетъ сказать о грузинахъ и армянахъ за Кавказомъ). А изъ племенъ невеликорусскихъ, но помѣщающихся въ Россіи, — малая племена латышей и эстовъ, которыхъ великорусскіе государственные демократы желаютъ эмансипировать и въ тоже время русенъ, превосходятъ своимъ образованіемъ и организацией русскихъ *. Такимъ образомъ „закраины“ Россіи имѣютъ очень много шансовъ на измѣненіе всѣхъ расчетовъ, которые могутъ быть сдѣланы великоруссами касательно судебъ всей Россіи. Противъ этого, конечно, люди въ родѣ Герцена (если бы только ихъ было побольше!) ничего не станутъ и возражать. Но прежде

всего имъ слѣдуетъ имѣть вполнѣ отчетливое понятіе о томъ, что такое „единство Россіи“ и что такое ея „закраины“.

У Герцена оказалось гораздо менѣе такихъ отчетливыхъ понятій, чѣмъ добрыхъ памѣреній, въ томъ случаѣ, когда онъ приступилъ къ вопросу о границахъ его „сплошной Россіи“ съ Польшею. Прежде всего онъ впалъ въ ошибку уже тѣмъ, что началъ, — по примѣру польскихъ „историческихъ“ патріотовъ опредѣлять границу своей Россіи, т. е. Великоруссіи отъ Польши, тогда какъ, по духу его идей, онъ долженъ былъ бы опредѣлять границу ея отъ Латышій, Бѣлоруссіи и Украйны, — такъ какъ вѣдь великорусская нація нигдѣ съ польскою не соприкасается. Между тѣмъ Герценъ, предполагая возможность, что напр. „Украйна не захочетъ быть ни польскою, ни русскою“, — предполагаетъ и возможность, что западныя области захотятъ быть то русскими, то польскими, при чемъ опираетъ это предположеніе на разныя „бытовые основанія“, которыми, за неизмѣнимъ ни горъ, ни болѣшихъ рѣкъ, могутъ, по его мнѣнію, опредѣлить границу, — границу все таки между Россіей и Польшею! Приглядѣвшись ближе къ этимъ „бытовымъ основаніямъ“, увидимъ, что ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ никакой границы, а одно за другимъ даютъ липин до смѣшного перепутывающіяся.

Возьмемъ языкъ. Литовскій языкъ напр. уже потому, что онъ совсѣмъ и не славянский, не можетъ быть „ближе“ ни къ русскому, ни къ польскому; область его, значитъ, окажется ни Россіей, ни Польшею. За тѣмъ славянскіе языки: бѣлорусскій и украинскій въ основѣ своей вездѣ, — къ западу, какъ и къ востоку, — находятся въ одинаковомъ отношеніи какъ къ польскому, такъ и къ русскому языку, — и если напр. дальше къ западу вы встрѣтите въ языкѣ больше культурныхъ словъ польскихъ (между которыми добрая половина слова нѣмецкія, зашедшія и къ полякамъ, и къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ) а на востокѣ найдете слова русскія, то эти слова такъ же мало измѣняютъ массовой украинскій или бѣлорусскій характеръ какой нибудь Гродненской или Черниговской губерній, какъ и украинскія слова въ языкѣ орловской, или повгородской губерній не измѣняютъ сути великорусскаго характера послѣднихъ. Рядомъ съ десятками — сотнями польскихъ и полонизированныхъ словъ встрѣтимъ въ языкѣ какой нибудь сѣверо-восточной губерніи такія оригинальныя особенности основныхъ чертъ языка, — фонетики и грамматики, которыя заставятъ всякаго, — знакомаго съ дѣломъ, — только улыбнуться надъ тѣмъ, кто вздумаетъ зачислять эти земли въ Польшу, на основаніи будто бы большей близости языка къ польскому, чѣмъ къ великорусскому. Ссылаемся на всѣхъ ученыхъ писавшихъ объ этомъ предметѣ. По языку во всей спорной области получимъ границы: Польшу, Литвы, Латышій, Бѣлоруссію, Украйны, Великоруссію, — а вовсе не Польшу и Россію.

Не болѣе помогаетъ великорусскому демократу съ его польскими корреспондентами и религія: православіе, унія и даже католи-

цизмъ. Во первыхъ, унія сохранялась въ 1860 г. только въ Царствѣ Польскомъ (около 500,000) да въ Галиціи (б. 3,000,000), — значитъ громаднѣйшая часть земли отъ З. Буга и австрійской границы за Днѣпромъ, т. е. всѣ „губерніи отъ Польши возвращенныя“, какъ говорятъ въ Россіи, и весь „закраинный край“, какъ говорятъ въ Польшѣ, окажутся Россіей, конечно, къ великому неудовольствію польскихъ историческихъ патріотовъ. А кромѣ того населеніе уніатской Галиціи по всѣмъ прочнымъ „бытовымъ основаніямъ“ совсѣмъ подобно православному населенію кievской губерніи, которое по религіозно-бытовому основанію Герцена называется „русскимъ“, — и населенію Полтавской губерніи, которое „историческіе“ польскіе патріоты не требуютъ въ Польшу на томъ основаніи, что оно уступлено Польшею трактатомъ 1667 г., а не 1773 г. Уніатское населеніе Галиціи и передъ 1860 г. десятки разъ доказало, между прочимъ установивъ крестьянскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 1848 г., — что оно также не хочетъ „принадлежать“ Польшѣ, какъ и кievское или полтавское, — о чемъ и Герценъ могъ бы знать, если бы между Галиціей и нѣмъ не стояли увѣренія польскихъ патріотовъ и нѣмецкихъ либераловъ, будто „русские“ выдумали въ 1848 г. намѣстникъ Галиціи гр. Стадіонъ“. Наконецъ въ Правобочной Украйнѣ есть села бѣдной шляхты и вообще чиншевниковъ, по религіи католиковъ, но по языку украинцевъ и которые ни въ 1831 г., ни въ 1863 г. не обнаружали никакой охоты возставать за Польшу. Община, — какъ мірская сходка, существуетъ во всей данной полосѣ, — а общиннаго землевладѣнія не существуетъ и въ Черниговской, и Полтавской губерніи (кромѣ казенныхъ крестьянъ). Оно существуетъ въ Слободской Украйнѣ и Новороссіи, какъ въ земляхъ повѣйшаго заселенія, но въ этихъ земляхъ, по всѣмъ другимъ „бытовымъ основаніямъ“, населеніе ничѣмъ не отличается отъ населенія напр. полтавской, кievской и подольской губерній, — а въ Новороссіи, при общинномъ землевладѣніи, подобномъ великорусскому, сохранились наиболѣе живыя воспоминанія о томъ, какъ „Москва Січъ руиновала“ и какъ „суча дочка, московска царица своимъ генераламъ запорожскіи степи подаровала“ и т. п. Словомъ: 1) или не затѣмъ вовсе поднимать вопроса о „бытовыхъ основаніяхъ“ для политическихъ границъ, а надо признать границы, „историческія“, т. е. проведенныя мечемъ и перомъ дипломатовъ, — и тогда, право, трудно понять, чѣмъ это границы, установленныя для Россійской имперіи вѣнскимъ конгрессомъ 1815 г. хуже, чѣмъ границы между Москвіей и Польшею, опредѣленныя въ 1667 г. и существовавшія до 1773 г.? По здравому разуму, теперешнія „историческія“ границы Россіи, какъ Россійской имперіи, уже потому лучше „историческихъ“ границъ Польши 1667—1772 гг., что они существуютъ; или же 2) если уже начать передѣлывать границы Россійской имперіи, по совокупности бытовыхъ основъ, то опять таки лучшимъ не Россію и Польшу, — а Польшу, Украйну, Бѣлоруссію, Литву и т. п.

* Въ началѣ 1881 г. эсты имѣли 6 періодическихъ изданій (въ теченіи года прибавилось еще 2) на 900,000 населенія, а латыши протестанты 10 на 1,100,000; русскіе же было всѣхъ изданій, съ общинальными, только 376 на 40,000,000 великоруссовъ, не считая обрусѣлыхъ чиновниковъ.

Но въ концѣ концовъ великорусскій демократъ высказываетъ мысль, что не нужно предпринимать вопроса о границахъ, — а слѣдуетъ предоставить рѣшить его населеніямъ спорныхъ провинцій, — причемъ, говоря пока объ одномъ изъ нихъ, украинскомъ, говоритъ: „развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово“ и т. д. На первый взглядъ пѣтъ ничего резоннаго, благонамѣреннаго и даже самоотверженнаго такихъ рѣчей, — и если бы политическіе дѣятели, не говоримъ уже правители, но даже революціонеры, — всѣ были Герцены, то не оставалось бы ничего желать, какъ только того, чтобъ они поставлены были въ возможность „развязать руки и языкъ“ населеніямъ Европы, „сдѣлать ихъ рѣчь совершенно свободно“, чтобъ избавить эти населенія отъ крайней мѣры отъ національныхъ споровъ. О такомъ непродуманномъ вопросѣ о „забранныхъ краяхъ“ и объ освобожденіи прежде всего языка и рукъ ихъ населеній, для того, чтобъ они могли совершенно свободно подать свой голосъ по вопросу о принадлежности къ Польшѣ, или о союзѣ съ нею, — говорили и во времена Герцена пѣкоторые польскіе политики, — говорятъ и теперь иногда польскіе публицисты. Мы увидимъ далѣе примѣры этихъ рѣчей.

Увы! не сомнѣвался въ самыхъ добрыхъ намереніяхъ говорящихъ такихъ рѣчи, мы не можемъ не признать ихъ ничѣмъ инымъ, какъ только компромиссомъ между мнѣніями, съ которыми трудно бороться на открытомъ полѣ аргументаціи, мнѣніями отрицающими всякія „историческія“ права Польши и всякія издѣлія старой дипломатіи, Люблинскія, какъ и Вѣнскія, — и собственными привычками говорящихъ къ мысли объ этихъ „историческихъ“ правахъ. Это очень гуманно спрашивать населенія о политическихъ границахъ. Еще гуманнѣе поднять оружіе для того, чтобъ „развязать имъ языкъ“. Но на бѣду въ этихъ вопросахъ отвѣты зависятъ отъ того, кто, какъ и при какихъ условіяхъ предложить вопросъ, — а теперешнія массы народа во внѣшне-государственныхъ вопросахъ, — сущность которыхъ не сразу видна имъ въ повседневной жизни, — почти всегда высказываются за *status quo*, — т. е. на дѣлѣ за того, у кого въ рукахъ власть, войско. Тотъ же, у кого въ рукахъ власть, не расположенъ ставить вопросы иначе, какъ въ такой формѣ, чтобъ получить на нихъ какъ разъ такіе отвѣты, какіе ему нужны. Напомнимъ напр. *sufrage universel*, произведенный Наполеономъ III въ Ниццѣ, или хотя послѣднюю перепись, произведенную въ Галиціи польскими чиновниками, между которыми находится много прилимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи 60-хъ годовъ. За тѣмъ, есть положенія, когда при-ставать къ человѣку съ извѣстными вопросами, прося у него самыхъ свободныхъ отвѣтовъ, есть просто невѣжливость: въ числѣ такихъ невѣжливыхъ вопросовъ можно поставить вопросы: Лейпцигу: пѣмецкій ли онъ городъ, или чешскій? — Варшавѣ, — не русская ли она? и обитателямъ кievскаго уѣзда, — не поляки ли они? А поднимать въ Лейпцигѣ

возстаніе для того, чтобъ развязать ему языкъ по вопросу: хочетъ ли онъ быть пѣмецкимъ, или чешскимъ городомъ? — было бы болѣе, чѣмъ невѣжливо. Но пусть предлагаютъ разные софистическіе и даже невѣжливые вопросы люди, власть имѣющие. Прежде всего, они почти ничѣмъ не рискуютъ, имѣя въ рукахъ готовую власть. Революціонеры же, даже тѣ, которые хотятъ захватить власть, а не только тѣ, которые хотятъ „совершенной свободы“, — должны задавать вопросы самимъ себѣ прежде, — чѣмъ должныствующимъ быть освобожденными населеніямъ, — и добиваться на нихъ отвѣтовъ положительно-научнымъ способомъ, на основаніи совокупности данныхъ, представляемыхъ исторіей и настоящимъ положеніемъ этихъ населеній. Такъ медикъ долженъ прежде всего дѣлать самъ діагнозъ болѣзни субъекта, котораго онъ думаетъ лечить, — имѣя при этомъ въ виду, что иногда этотъ субъектъ можетъ и не понимать его вопросовъ. Для революціи прежде всего нужна сила, — т. е. помощь самого населенія извѣстныхъ странъ, а потому революціонеры, особенно если онъ не разсчитываетъ на постороннюю государственную помощь, — (въ какомъ случаѣ онъ собственно и не революціонеръ, а завоеватель) долженъ прежде всего сообразить, чѣмъ онъ можетъ поднять населеніе, и чѣмъ можетъ оттолкнуть его отъ себя? Революціонеръ же, который дѣйствительно чуждъ личнаго и даже національнаго эгоизма, — долженъ при этомъ сообразить, что такое дѣйствительно можетъ служить къ удовлетворенію нуждъ даннаго населенія? и долженъ затѣмъ направить въ эту сторону всю свою энергію. Всѣ эти требованія мы вправѣ предъявлять къ дѣятелямъ настоящаго, „положительнаго“ времени.

Приложимъ эти соображенія къ двумъ крайнимъ и непохожимъ между собою провинціямъ изъ числа „забранныхъ“ нынѣшней Россіею отъ старой Польши, — къ Украинѣ и Литвѣ. Въ первой мы увидимъ такое недуманное и столько разъ съ XVI в. завлеченное отвращеніе отъ всякой принадлежности къ польскому государству, что слѣдуетъ по истинѣ удивляться, какъ можно было людямъ, что нибудь знающимъ объ этой землѣ, допускать на одну секунду мысль, что населеніе ея можетъ, да еще при полной свѣжести памяти о крѣпостномъ правѣ у польскихъ пановъ, — пойти за польскимъ знаменемъ, даже если бы изъ подъ него обѣщались рѣки сытовыя и берега кишѣльные. Во второй мы видимъ населеніе еще съ XV ст. затертое національно-политически и придавленное социалью, — такъ что ему теперь совершенно странно ставить вопросъ о томъ, хочетъ ли оно принадлежать къ тому, или другому государству, или даже къ тому, или другому политическому союзу. Какъ населеніе религіозное, и при томъ католическое, литовцы, конечно, не довольны принадлежностью къ еретичной Россіи, и ихъ, конечно, можно убѣдить, что съ единовѣрной Польшой имъ было бы лучше, хотя сомнительно, чтобъ ихъ можно было довести до поголовнаго возстанія за отпаденіе отъ Россіи къ Поль-

шѣ: по крайней мѣрѣ такого возстанія не было ни въ 1831 г., когда жмудины даже пробовали рѣзать польскихъ пановъ, какъ дѣлали это потомъ, въ 1846 г., польскіе крестьяне въ западной Галиціи *), ни въ 1863 г., когда возстаніе въ Жмудѣ, не смотря на усилія ксепдзовъ, вовсе не было очень энергично, а тамъ, гдѣ ксепдзъ былъ не изъ шляхты, а изъ крестьянъ, то, говорить, его и совсѣмъ не было.

Но допустимъ, что старое польское государство возстановлено, — и среди 30 миліоновъ населенія его (10—11 миліоновъ поляковъ) оказывается и 2½ миліона литовцевъ, — почти исключительно крестьянъ. Лучше ли бы съ ними обращался сеймъ Польши, чѣмъ парламентъ Германіи обращается съ познанскими поляками, или галиційскій съ русинами? Сомнительно. А если такъ, то стоитъ ли мѣнять господина?!

Но, говорятъ, такого не было бы, если бы Польша была возстановлена революціоннымъ путемъ, да еще при дѣятельномъ участіи не-польскихъ населеній, въ томъ числѣ и литовскаго, — которые въ такомъ случаѣ имѣли бы достаточно силы, чтобъ и не позволить поставить себя въ подчиненное положеніе, даже, если бы поляки и возымѣли неблагородное желаніе господствовать надъ ними. Литвины напр. имѣли бы областное самоуправленіе, свой языкъ въ школахъ, а если бы захотѣли, то и свой университетъ. Если же такъ, то, спрашивается, почему подобный союзъ назывался бы Польшею? а слѣдовательно непонятно, за чѣмъ это нужно приступать къ агитаціи среди литовскаго населенія во имя возстановленія Польши и Люблинской униі, отъ которой собственно литовскому населенію было по меньшей мѣрѣ ни тепло, ни холодно, — а не прямо во имя интересовъ самаго литовскаго населенія?

Уже и опытъ 1830—31 гг., когда Царство Польское имѣло свою армію, — показало, что безъ поголовнаго возстанія не только поляковъ, но и всѣхъ націй „забранныхъ краевъ“ невозможно освободить отъ когтей Россійской имперіи даже Конгрессовую Польшу, — а, слѣдовательно, сторонники даже одного этого освобожденія, должны были въ 60-е годы употребить всевозможныя усилія, чтобы привлечь къ новому возстанію эти населенія. А для этого надо было, чтобъ сторонники эти, а также друзья ихъ въ польскихъ губерніяхъ, употребили больше усилій, чтобъ изучить потребности и характеръ этихъ населеній, войти въ ихъ интересы, слиться съ ними языкомъ и трудомъ, — безъ чего невозможно приобрести ихъ довѣрія, — а потомъ и поднимать эти населенія за ихъ, а не за польскіе интересы. Если же такъ, то опять спрашивается: почему такое возстаніе было бы польскимъ возстаніемъ, — а не польскимъ, литовскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ возстаніемъ, — если говорить пока только о вопросѣ національной и областной автономіи и оставить вопросы чисто социальныя,

*) О жмудской жаккеріи можно прочесть у Шмидта (Geschichte der Polnischen Revolution 1830—31), котораго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою.

о которых будет рѣчь дальше. Необходимо принять во вниманіе, что украинцамъ лѣтъ интереса дѣлиться пополамъ, такъ чтобъ западная ихъ половина вошла бы въ союзъ,—положимъ, не похожий на все прежнее и на положеніе дѣлъ въ Галиции,—съ Польшою,—а восточная оставалась за Россіей, и что, если украинцамъ лить кровь за автономію, то за автономію всего своего имени. Значитъ предполагаемому возстанію населеній западной Россіи еще болѣе лѣтъ резона производиться подъ знаменемъ Польши. Наконецъ еще въ 1831 г. нашлись среди поляковъ люди, которые увидѣли необходимость поддержки и въ Великороссіи, почему и написали на своихъ знаменахъ: „за пашу и вашу волюность“. И въ самомъ дѣлѣ,—не только трудно себѣ представить полное торжество возстанія въ западной половинѣ Россіи безъ поддержки свободнаго движенія въ Великороссіи, но разъ допустивши, что цѣлью вышеупомянутаго возстанія должно быть не возстановленіе старой Польши въ одной изъ ея историческихъ границъ, а установленіе великой федерации поляковъ, литовцевъ, латышей, бѣлоруссовъ и украинцевъ,—совсѣмъ непонятно исключеніе изъ нея и великоруссовъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ „историческихъ“ преданій и государственныхъ претензій, программу вполне достойную освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы.

Читатель можетъ замѣтить, что мы выходимъ за предѣлы предмета, о которомъ начали рѣчь и говоримъ о настоящемъ и будущемъ, вмѣсто обсужденія прошедшаго, къ которому было бы слишкомъ строго прилагать мѣрку, годную развѣ для настоящаго или даже для будущаго. Это замѣчаніе будетъ вѣрно только отчасти. Во первыхъ для дѣятеля все таки недавняго и ири томъ для челоѣка такого ума и образованія, какими обладалъ Герценъ, никакая теперешняя мѣрка не можетъ быть строгою,—и если бы Герценъ явился и теперь среди насъ такимъ, каковъ онъ былъ, то врядъ ли бы онъ оказался позади многихъ изъ теперешнихъ дѣятелей, а не гораздо болѣе современнымъ, чѣмъ они. А во вторыхъ въ своихъ статьяхъ „Польша и Россія“ 1859—1860 г. Герценъ самъ очень ясно намѣтилъ основы той широкой федеральной программы, о которой мы сейчасъ сказали. Онъ только не развилъ ее въ деталяхъ,—и не обнаружилъ должной настойчивости передъ претензіями „историческаго“ польскаго патріотизма, а потомъ въ горячую минуту сдѣлалъ ему еще болѣе уступокъ. Причиной тому было главнымъ образомъ отсутствіе детальныя знаній относительно западныхъ провинцій Россіи и отсутствіе непосредственныхъ впечатлѣній отъ ихъ жизни,—хотя нельзя сказать, чтобъ знаменитый великорусскій демократъ былъ совсѣмъ лишонъ предостереженій съ мѣста, по крайней мѣрѣ изъ одной изъ западныхъ провинцій.

Самое выдающееся изъ этихъ предостереженій было письмо, помѣщенное въ 61 листѣ „Колокола“ (1860 г., 15 Января) какъ передовая статья подъ заглавіемъ „Украина“, и вызвавшее прямо статью Герцена въ 34 №, изъ которой мы привели выше выдержки. Письмо это, очевидно, принадлежитъ перу одного изъ главныхъ членовъ кievскаго братства 1847 г. и замѣчательно во многихъ отношеніяхъ,—такъ что мы рѣшились перепечатать его особо отдѣльной брошюрой. Здѣсь мы приведемъ изъ него нѣсколько выдержекъ, которыя наиболѣе прямо идутъ къ занимающему насъ вопросу.

Начавъ съ благодарности издателю „Колокола“ за слова его объ Украинѣ, сказанныя въ 34 №, какъ „за одну изъ многихъ истинъ, которыя онъ первый высказалъ печатно на русскомъ языкѣ“, авторъ письма приступаетъ къ изложенію своихъ „задушевныхъ убѣжденій“.

„Большинство великорусской и польской публики, говоритъ онъ, привыкло не считать насъ (украинцевъ) отдѣльнымъ народомъ. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что дворянъ-малороссянъ нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаниемъ о несостоятельности дворянской институции, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде у насъ не было дворянъ: они были чужіе, хотя и происходили отъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссянами. Народность *малоросійская*, какъ привыкли ее называть съ легкой руки дьяковъ Алексея Михайловича, всегда оставалась достоинствомъ угнетеннаго сословія, потомъ и кровію утѣпавшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно ли признать народомъ *мужичье*? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

„Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случилось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоли Польшѣ не можетъ быть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ—поляки и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ; что же касается до сплошной массы чорнаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великоруссы, или наслышавшіеся польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти крал,—или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непрекаемому собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ составляетъ спорный пунктъ между свобододолюбивыми (людьми) обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ,—они принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ“.

Сдѣлавъ за тѣмъ обзоръ Украины и указавъ, какъ на главную причину ея упадка,

на раздѣлъ ея въ концѣ XVII в. между Москвою, Польшою и Турціей, авторъ переходитъ къ украинскому возрожденію въ XIX столѣтіи и къ появленію на Украинѣ идей панславизма. „Идея панславизма, говоритъ онъ, принялась на Украинѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ воцѣлительную судьбу Украины и Польши. Въ Украинѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ путемъ Украина можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой столъ, несправедливо и безжалостно поправшій образъ“. Расказавъ далѣе судьбу кievскаго братства 1847 г. и его членовъ въ ссылкѣ и вліяніи на Украину оттеполи, наступившей въ началѣ царствованія Александра II,—„весны, хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ“,—авторъ предлагаетъ нѣсколько украинскихъ требованій отъ русскаго правительства: дополненіе задуманнаго освобожденія крестьянъ полнымъ урваніемъ правъ крестьянъ съ дворянствомъ, а также допущеніе украинскаго языка въ школы,—и за тѣмъ оканчиваетъ свою статью такъ: „Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальной Россіей. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-тѣмской московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, *въ него же впроемъ и его же чаемъ*, наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южнорусскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаци, а на ясномъ сознании равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтobъ наши потомки увидѣли то, что едва ли какому нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть,—падобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предрасудковъ“.

„Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ *своими* земли, заселенныя нашимъ народомъ“.

Въ 1863 г., въ самый разгаръ польскаго повстанія, послѣ того уже, какъ Герценъ принялъ программу делегатовъ варшавскаго революціоннаго правительства, онъ вспомнилъ эту статью, называлъ ее превосходною и говоря, что съ нимъ „согласны и сами украинцы“,—т. е. иначе, что онъ самъ согласенъ съ федералистомъ, авторомъ статьи „Украина“. („Колоколъ“,

№ 167). На сколько это заявление Герцена было верно, — увидимъ далѣе.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВОЕ ГОНЕНИЕ НА РАСКОЛЬНИКОВЪ

и

ВОЗМОЖНОСТЬ ОТПОРА СЪ ИХЪ СТОРОНЫ.

(Письмо изъ Петербурга).

Начало быстрыми шагами приближающейся петербургской осени должно совпасть съ открытіемъ нашего дѣловаго сезона, который обѣщаетъ въ нынѣшнемъ году быть особенно важнымъ. Каждое министерство готовитъ для впесенія въ государственный совѣтъ не малое количество проектовъ, которые должны свидѣтельствовать по крайней мѣрѣ о дѣятельныхъ стараніяхъ руководящихъ ими лицъ. Проекты министра внутреннихъ дѣлъ будутъ имѣть ту особенность, что въ ихъ составленіи участвовали не одни чиновники, а и представители специально заинтересованныхъ населеній; можно надѣяться поэтому, что характеръ этихъ предложеній будетъ нѣсколько прогрессивный. Къ сожалѣнію, невозможно ожидать того же отъ полу-министерства, во главѣ котораго стоитъ К. П. Побѣдоносцевъ.

Я говорю полу-министерство, потому что повсюду, да и у насъ до послѣдняго времени, культъ соединялись съ другимъ министерствомъ; оберъ-прокурору же св. Синода подвѣдомственна только одна православная церковь. Но если кругъ власти оберъ-прокурора ограниченъ однимъ исповѣданіемъ, то власть надъ послѣднимъ совершенно неограниченна. Подъ скромнымъ титуломъ оберъ-прокурора скрывается полномочный, безотвѣтственный представитель петровскаго реформеннаго государства, поставившаго церковь въ безусловное отъ себя подчиненіе. Такъ называется по ироніи судьбы, „господствующая“ церковь — самая несвободная, самая поработощенная изъ церквей; Петръ и его ближайшіе преемники не могли забыть, что церковь противилась мѣрамъ правительства и могла бы противиться гораздо больше, если бы внутреннее единство, связь высшаго духовенства съ низшимъ и низшаго съ паствою, не была разорвана честолюбіемъ Никона. Рядомъ послѣдовательныхъ и тѣсно связанныхъ между собою законовъ, — чутъ ли не единственный примѣръ послѣдовательности въ нашемъ законодательствѣ, — государство опутало церковь до такой степени, что сдѣлало невозможнымъ для нея всякую самостоятельную дѣятельность, всякую самостоятельную жизнь: *церковь въ плину у государства и оберъ-прокуроръ ея тюремщикъ*.

Это положеніе никто лучше не сознавалъ какъ К. П. Побѣдоносцевъ, краснорѣчивый и глубоко прочувствовавшій рѣчи котораго, сказанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ государственномъ совѣтѣ, представляютъ печально вѣрную картину положенія русской церкви; эти рѣчи произвели большое

впечатленіе въ рѣшающихъ сферахъ и были отчасти причиною скорѣ затѣмъ послѣдовавшаго призванія его на теперешній постъ. Назначеніе это было привѣтствовано всѣми какъ заря лучшаго будущаго: естественно было думать что человѣкъ, такъ глубоко сознавшій зло и такъ сильно его изобразившій, найдетъ и средства для его исправленія. Но, назначеніе это, увы! имѣло самыя грустныя послѣдствія, какъ для духовнаго вѣдомства такъ и для самаго Константина Петровича! Извѣстно, что онъ всецѣло предался дѣлу, забывалъ для него пищу и сонъ, но также извѣстно и несомнѣнно, что это поглощеніе дѣломъ оказалось совершенно непроизводительнымъ и бесполезнымъ. До сихъ поръ нельзя назвать ни одной сколько нибудь важной мѣры проведенной Побѣдоносцевымъ, за исключеніемъ уничтоженія послѣдняго остатка древняго начала избранія, пѣкогда наполнявшаго всю русскую церковь.

Вмѣсто того, чтобы бороться съ вредными началами, губящими церковь, К. П. Побѣдоносцевъ, съ самаго вступленія въ должность, сталъ на сторону этихъ началъ и усилилъ ихъ пагубное дѣйствіе. Церковь въ его глазахъ, это сонмъ іерарховъ, которыхъ онъ, правда, не освобождаетъ отъ подчиненія государству, т. е. въ данномъ случаѣ, себѣ самому, но за то онъ отдаетъ имъ въ полнѣйшую власть, такъ сказать, выдаетъ имъ головою все духовное сословіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовные интересы русскаго народа.

Самъ Побѣдоносцевъ называлъ церковь, — (конечно не будучи еще ея начальникомъ), государственнымъ учрежденіемъ, духовныхъ же — чиновниками облеченными въ епископскій и іерейскій санъ; это правда, но только доля всей правды. Низшее духовенство, священники несутъ обязанности чиновниковъ, но не пользуются ихъ правами, не могутъ ни перейти въ другое вѣдомство, ни оставить службы, ни даже уклониться отъ повиновенія, вмѣняемаго имъ въ долгъ совѣсти; они составляютъ сословіе пожизненныхъ и чуть не потомственныхъ рабовъ.

И, какъ ни несчастно, какъ ни унижительно положеніе православнаго духовенства, есть однако еще классъ людей, гораздо многочисленнѣе ихъ, положеніе котораго еще худшее: если священниковъ можно назвать рабами, то такъ называемые раскольники — парія русскаго государства, закономъ поставленные внѣ закона, противъ которыхъ все возможно, все позволено, потому что они нигдѣ не найдутъ ни правосудія, ни защиты.

Положеніе ихъ можно сравнить только съ положеніемъ турецкой райи, съ тою разницею, что турецкое правительство всегда признавало право райи имѣть свои церкви и священниковъ, тогда какъ русское недопускаетъ ни того, ни другого. Есть еще другая разница: турецкіе христіане — завоеванный народъ, не сражавшійся никогда за султана и только спосившій его власть, пока видѣлъ невозможность противъ нея бороться. Раскольники — русскіе и даже лучшіе русскіе, чѣмъ исповѣдники официальной церкви; они не только несутъ все тягосты,

не пользуясь никакими благами, не только проливаютъ кровь за своихъ утѣшителей, но дѣлаютъ это охотно изъ упорной любви къ непризнающему ихъ и преслѣдующему отечеству.

Въ прежнее время, преслѣдованія раскольниковъ объяснялись, или лучше сказать извинялись, безправственностію ихъ ученій, ихъ враждебностію къ просвѣщенію, ихъ непадежностію относительно власти. Изученіе всѣхъ толковъ раскола, произведенное не вольными учеными, а изслѣдователями чиновниками и духовными, показало полную неосновательность всѣхъ и каждаго изъ обвиненій. Самая лучшая апологія раскола — записка, представленная покойному государю княземъ Орловымъ, составляющая большую заслугу князя, чѣмъ вся его военная и дипломатическая дѣятельность. Эту записку не могъ не читать и К. П. Побѣдоносцевъ и не могъ, читая ее, не признать вѣрности ея заключеній. И вотъ, однако, этотъ умный, ученый, мягкосердечный человѣкъ предпринимаетъ гоненіе на людей ни чѣмъ невинныхъ, гоненіе, которое должно превзойти все предъидущія!

Въ синодальной типографіи только что отпечатано, по распоряженію оберъ-прокурора и на средства духовнаго вѣдомства, для бесплатной разсылки по приходамъ и для раздачи въ изродѣ, брошюра „О сущности и значеніи раскола“, вдохновителемъ и даже сотрудникомъ которой былъ самъ К. П. Побѣдоносцевъ. Въ этой брошюрѣ элегическимъ тономъ оплакивается свобода (!) съ котораго богослуженіе отправляется старообрядцами и доказывается необходимость запечатанія вновь молебни рогожскаго кладбища, распечатанной, какъ извѣстно, для молебствія о вступившемъ на престолъ императорѣ. Брошюра выставлена также на видъ, что до сихъ поръ „относительно“ раскола (т. е. противъ онаго) не было никогда принимаемо цѣлесообразныхъ и послѣдовательныхъ мѣръ, и что потребность въ таковыхъ чувствуется болѣе, чѣмъ когда либо.

При чтеніи этой брошюры невольно думается: хороши должны быть мѣры, если всемогущій оберъ-прокуроръ (я едва было не написалъ патріархъ) не рѣшается прямо принять ихъ, а прибѣгаетъ къ печати, чтобы дѣйствовать на умы и приготовить ихъ къ исполненію своихъ замысловъ! Говорятъ, что дѣйствительно, у оберъ-прокурора и не большаго кружка людей около него собиравшагося, имѣется цѣлая программа относительно раскола, посредствомъ которой они надѣются достигнуть сравнительно легкаго и быстрого его искорененія. Программа эта держится въ строгой тайнѣ и я не имѣю прерогативы проникнуть ее. О пѣкоторыхъ пунктахъ ея, однако, знаютъ хорошо извѣщенные люди, хотя и стоящіе внѣ кружка К. П. Побѣдоносцева. Они утверждаютъ, что на первый планъ выдвигается опять „единовѣрческій вопросъ“.

Единовѣріе по отношенію къ расколу — тоже, что униа по отношенію къ православной церкви: приманка обѣщаніемъ сохраненія старыхъ обрядовъ, подъ условіемъ подчиненія іерархической власти. Но униа дѣйствовала